

Чжао Чуньси полагалась на то, что раньше ее мать была любима во дворце, поэтому она всегда чувствовала свое превосходство над другими, даже если ей приходилось притворно склонять голову перед Гуань Суй из-за ее приданого, она втайне сохраняла чувство превосходства и верила, что она более сильная сторона, а Гуань Суй - просто дура, которую она ослепила, манипулировала и обманула.

Но теперь все, на что она опиралась, и ее самодовольная слава исчезли вместе с распадом кораллового дерева. Если бы она пошла на компромисс с Гуань Суй, то сейчас она была бы похожа на захваченного военнопленного, заключенного каторжника, угнетенного раба, со сломленным чувством собственного достоинства и сердцем, полным унижения.

Гуань Суй уже сказала, что не будет заботиться о ней, и она совершенно не хотела подниматься, еще больше не хотела кланяться и признавать свою ошибку. Однако приданое нельзя было упустить, а брак нельзя было игнорировать. Как же решить эти две проблемы? Просто победить Гуань Суй раз и навсегда, сломить ее высокомерие, разрушить ее надежды, запятнать ее репутацию, посмотреть, что она может использовать, чтобы презирать других, и что она может использовать, чтобы дисциплинировать себя?

Размышляя так, Чжао Чуньси сказала Хэ Сяну: "Достань коробку, которую мне дала старшая тетя".

"Госпожа, вы хотите это сделать? В главном доме нет нашего стукача. С этим не так-то просто справиться!" Хэ Сян достала из-под кровати коробку из красного дерева. Когда она открыла ее, она была полна бутылок и баночек, источающих странный и неприятный запах.

Говоря об этом, Чжао Чуньси снова втайне возмущалась. Как только пришла Гуань Суй, она вытащила доносчиков, которых расставила в главном доме. Если бы ее иностранная родственница была достаточно богата, было бы легко купить еще несколько, разве не было много слуг, которые льстили и показывали намерение прильнуть к ней вчера? Но после сегодняшнего дня, когда распространилась новость о том, что коралловое дерево семьи Е было разбито ворами, а император проигнорировал это, она снова стала падшим фениксом, которую повсюду не любили и постоянно подавляли в главном доме. Кто будет служить ей?

Покачивая головой, она яростно сказала: "Как это сделать, у меня пока нет идей, просто найдите несколько доносчиков в главном доме и медленно разрабатывайте план. Неважно, как это будет сделано - деньгами или угрозами, короче говоря, сначала нарисуй нескольких и подожди, пока люди будут на месте, прежде чем делать следующий шаг. Ради будущего Ваньшу, Гуань Ши никогда не должна родить сына".

"Да, слуга пойдет и проверит служанок и бабушек в главном доме, чтобы узнать, есть ли в семье нищие или те, кто чрезвычайно жаден до денег. Если мы сможем найти хоть одного, это будет считаться за одного. Госпожа, вы также собираетесь связаться с одной или двумя для Мингфана? С древних времен жены и наложницы всегда были несовместимы, и слуга не верит, что она действительно будет верна Гуань Ши."

"Хорошо, ты можешь найти способ приставить к ней несколько доносчиков. Если бы я знала сегодня, я бы никогда не позволила своему отцу жениться на Гуань Ши, несмотря ни на что". Я действительно открыла дверь и привела воров в дом". Чжао Чуньси снова почувствовала глубокое сожаление, однако, она была рада, что ее мачеха не смогла войти во дворец, чтобы противостоять ее маме, иначе семья Е была бы полностью разгромлена.

--

Во дворце Вэйян император Шэн Юань изучал юридический кодекс предыдущей династии, когда услышал голос маркиза Чжэньси, просившего о встрече с ним снаружи.

"Впусти его".

Маркиз Чжэньси медленно вошел, держа в руках парчовую шкатулку, молча оказал любезность монарху, затем сел, поставил шкатулку на императорский стол и выдвинул ее вперед. Император Шэн Юань давно привык к его молчаливому стилю, и пошутил: "А что, твоя невестка не уступила? Видя, что вы стали живым немым, она не расстраивается?".

Маркиз Чжэньси написал на столе с чаем слово "Бэй", затем слово "Су", нарисовав посередине меч, и наконец гневно покачал головой.

Император Шэн Юань хотел немного посмеяться, вспомнив, что все тяготы, выпавшие на долю Гуань Суй, были из-за него, его глаза сразу потемнели, в них появился намек на сожаление и ревность, которых он сам даже не заметил. Он вздохнул: "Бывшую жену он не смог защитить, а вторая жена снова и снова оказывается зажатой". Чжао Лули наслаждался счастьем всего мира, но не умел им дорожить. Рано или поздно он пожалеет об этом".

Вы всегда говорите, что Чжао Лули пожалеет об этом, но не видите, что щель между вашими бровями уже заполнена сожалением. Забудь, этот подчиненный не разбудит тебя, ты можешь медленно осознать это сам". Цинь Линъюнь порадовался чужому несчастью, а затем постучал по парчовой шкатулке, давая знак Его Величеству открыть ее самому.

На парчовой шкатулке из красного дерева было вырезано несколько лилий. Белые лепестки были инкрустированы полированными раковинами, украшены жемчугом в качестве сердцевин и нефритом в качестве листьев. Она выглядела свежо и элегантно, но в то же время роскошно и благородно. По четырем углам была переплетена разноцветная веревка, образуя форму группы бабочек, играющих вместе, что добавляло немного остроумия. Однако подарочная коробка была упакована так приятно, что показывало, насколько изобретателен тот, кто ее подарил.

Император Шэн Юань, казалось, знал об этом, и даже рассмеялся: "Это ответный подарок от госпожи?".

Не называйте госпожу госпожой, госпожа, вы можете называть ее полным именем маркиза Чжэньбэя госпожа? Люди, которые не знают, подумают, что вы называете свою любимую жену. Цинь Линъюнь исподтишка взглянул на Байфу и увидел, что тот наострил уши, а его глаза стали подозрительными, вероятно, он пытался угадать, кто эта госпожа в устах Его Величества.

"Поскольку это ответный подарок Его Величества за уникальную, редкую и знаменитую рукопись мастера, этот министр не посмел быть небрежным, поэтому отправил ее во дворец для презентации. Если Вашему Величеству не нравятся такие вещи, то было бы неплохо подарить их этому министру. Кстати. Моя невестка также получила несколько коробок румяной пудры, которую лично изготовила госпожа маркиза Чжэньбэй. Ваше Величество, если она вам не пригодится, этот министр позволит ей взять ее". Цинь Линъюнь, который сократил количество бус до десяти в день, не смел тратить ни малейшего количества, продолжал писать на столешнице с чаем, особенно когда писал "уникальный, редкий, рукопись знаменитого мастера", что показывало зависть и несправедливость в его сердце.

Император Шэн Юань осторожно потянул за разноцветную веревку и спросил: "Откуда ты знаешь, что Чжэнь не имеет от нее никакого проку? Если поместить ее в полый деревянный ящик или шелковый парчовый мешочек, то его можно использовать как футляр для благовоний или для хранения. В следующий раз, когда она вернет подарок, ты должен все вернуть".

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2436192>